

Следующий ракурс некрасовского творчества располагается в плоскости «сущности» или «природности» мира и человека. При этом очевидно, что «природная сущность» человека может пониматься и в родовом, и в индивидуальном смысле как его антропологическая характеристика. «Природность» же мира, по Некрасову, как бы элиминирует его «физические», натурфилософские характеристики и собственно картину мироздания. Мир в этом ракурсе есть преимущественно все тот же мир социума — но уже в его социокультурной, этнической, житейско-обыденной, социально-психологической и религиозной (конфессионально-традиционной и ритуально-поведенческой) характеристичности. В свою очередь личность рассматривается поэтом в плане особенностей ее ментальности, душевного склада, своеобразия индивидуальных психологических реакций.

«Природная сущность» как мира, так и человека воспринимается Некрасовым не только в плане феноменальной их соотнесенности. Для поэта, при детальном рассмотрении его историзма, практически нет истории как таковой, в конкретном историческом своеобразии ее событий и лиц, в их закономерном взаимопорождении и необходимом развитии. Он всегда берет историческое явление или персоналию как некий «готовый», данный в самом себе феномен.

Для поэта исторические явления приобретают характер обобщенного поэтического знака: прошлое — «источник», настоящее — «негатив», будущее — «воплощение мечты». При этом прошлое у Некрасова не дифференцируется и не опредмечивается. Это смутное «прежде» им скорее тягостно или ностальгически переживается, нежели зримо воспринимается. Настоящему миру «парадных подъездов», «сицилийских Аркадий» для немногих, миру «предающихся искусствам, наукам, мечтам и страстям», миру вечно и бесплодно «стонущих» «сеятелей», миру «пошлости и рутины» у поэта противостоит желанное грядущее. Оно — мир, ради которого «проснутся» те, кто, «исполненные сил», построят «освобожденный от оков» новый мир, те, кто сам «созреет, густо заселит прибрежные пустыни», кто наукой «воды углубит», чьи «суда-гиганты побегут несчетною толпою», чей «будет вечен бодрый труд над вечною рекою». Это будет утопически светлый мир мечты, где не останется места ни для житейской рутины, ни для пошлости в отношениях между людьми.

То же и в применении к личности. Прошлое продолжает жить в нынешнем состоянии человека, быть генетически возникшей частью его настоящего психологического опыта. Здесь Некрасовым актуализируются такие семантические оппозиции, как «темное—светлое», «традиционное—новое», «рутинное—созидательное», с другой стороны, «глубинное, коренное, подлинное—наносное, чуждое, ложное». Творчески «опредмечиваются» эти концепты в наибольшей степени на уровне композиционных построений, дискурсивных характеристик и художественной символики.

Третий ракурс некрасовской проблематики задается соотношением экзистенциальных и метафизических представлений поэта. Своеобычность этого рода проблематики у Некрасова состоит в том, что именно личностный полюс выступает здесь организующим началом для полюса бытийного. Не просто центральная, но всеобъемлющая некрасовская проблема (и имеющая многие лики единственная семантическая оппозиция) на этом уровне — *трагедия личности* в мире: трагедия ее отношений с теми, кто мог быть (но так и не стал) интимно близок; трагедия существования человека мыслящего, чувствующего, жаждущего подлинности, в окружении тех, кто живет, действует, декларирует свои устремления самым бездарным или бессовестным образом; трагедия брошенности и покинутости живой души в мире, ценностно-искаженном, обреченном, inferнальном; наконец, трагедия са-